VISIT…

LANZAROTE

Caliente.COM

Михаил ЛУКАШЕВ
СОТВОРЕНИЕ САМБО

И вот, наконец, передо мной на письменный стол ложится папка с надписью: "СССР. НКВД. Управление по Московской области. Дело N2641 по обвинению Ощепкова В.С. по ст.58 п.6 УК РСФСР. Том N1". Тощая, сильно потрепанная папка грязно-желтоватого тонкого картона, в которой скрыта трагическая судьба замечательного человека. Ох, и долгим оказался мой путь к ней!

А все началось пасмурным декабрьским днем 1947 года, когда в журнале "Огонек" я прочитал увлекательный очерк писателя Рахтанова "История самбо". Там замечательно и живо излагался рассказ Анатолия Харлампиева о том, как он по совету своего отца задумал и создал советскую систему самозащиты и борьбы вольного стиля - самбо. Оказалось, что этот подвижник обошел чуть ли не весь Советский Союз, кропотливо разыскивал и требовательно отбирал наиболее эффективные приемы национальных видов борьбы и самозащиты. Затем на их основе создал принципиально новую и наилучшую - советскую систему. А когда в 1938 году борцы съехались в Москву на всесоюзный сбор, Анатолий сказал им: "Предлагаю вам, вместо того чтобы заниматься чуждой нам экзотической борьбой дзюдо, попробовать свои силы в родной советской борьбе вольного стиля". А потом, даже борясь с завязанными глазами, блестяще победил каждого, кто еще сомневался в достоинствах созданной им замечательной борьбы. Ее и решили назвать "самбо", так как она давала возможность защищаться от нападения даже без оружия.

Совсем не часто выпадает на долю даже самых известных журналистов такой шумный успех и поистине неукротимый читательский интерес, какой достался в свое время рахтановскому очерку. С тех пор минет скоро уже целых полвека, но я отлично помню, какое огромное впечатление произвел он на меня и моих юных сверстников. Покоряла абсолютная новизна информации. Очерк стал самым первым рассказом о самбо в массовой и не специально спортивной печати. И если о джиу-джитсу знали тогда понаслышке почти все, то совсем недавно вошедшее в спортивный обиход самбо было еще очень не многим известно.

Разумеется, я, как и мои молодые сверстники, в ту пору свято верил любому печатному слову, и харлампиевская версия не вызывала у меня никакой даже тени сомнения. Единственно, что меня несколько смущало и оставалось непонятным: почему Рахтанов в своем интересном очерке не нашел нужным упомянуть о В.А.Спиридонове, заведомо раньше Харлампиева начавшем работать в области самозащиты и создавшего именно ту систему, которая называлась "самбо". Ее синтетический арсенал Спиридонов составил из наиболее надежных приемов джиу-джитсу, французской и вольно-американской борьбы, бытовой обороны, а также английского и французского бокса.

Дело в том, что в те годы я был уже знаком с этой системой, хотя еще ровным счетом ничего, кроме фамилии, не знал о ее авторе. Именно это чисто практическое знакомство со спиридоновской системой и недоумение по поводу умолчания о нем у Рахтанова и стало первым импульсом того многолетнего исследовательского поиска, который позволил мне в конце концов установить подлинную историю самбо. На первом этапе объектом моих поисков явился только Спиридонов: его биография и работа. Дело это, однако, оказалось значительно более сложным, чем могло показаться на первый взгляд. Спиридонова и его родственников уже не было в живых, его личное дело в динамовских архивах тоже не сохранилось, и долгое время единственным моим источником сведений являлись лишь рассказы его бывших сослуживцев, знакомых соседей. По этой сложной цепочке человеческих судеб я вышел однажды на мастера спорта по стрельбе Федора Ивановича Жамкова, являвшегося когда-то непосредственным

начальником Спиридонова в последние годы работы того в "Динамо". Однако самым интересным из того, что поведал мне Федор Иванович, относилось вовсе не к его подчиненному, а сосвем к другому человеку. Вот тогда-то от Жамкова я впервые и услышал фамилию - Ощепков и заинтересовавший меня рассказ об этом еще неизвестном мне человеке, учеником которого Федор Иванович был в середине двадцатых годов во Владивостоке. С тех пор мои поиски пошли по еще одному направлению - ощепковскому. И снова потребовались годы работы. Наступило время не только отыскивать необходимые материалы, но и анализировать их, почти вслепую нащупывая затерявшиеся, запутанные дороги, по которым должно было проходить самбо на пути к своему современному состоянию. Именно тогда я понял, что все это интересно и важно на только для меня самого, но и еще для очень многих.

...В самом конце морозного, с пронизывающим ветром, декабря 1892 года в поселке Александровский пост, на каторжном Сахалине, у арестантки - крестьянской вдовы - Марии Ощепковой родился сын.

По всем канонам тех далеких лет младенца, входящего в жизнь с двойным клеймом отверженного - незаконнорожденный и сын каторжанки - ждала незавидная судьба. В довершении всех своих бед уже в одиннадцать лет мальчик осиротел. Но несколько лет спустя жизненный путь сироты счастливо пересекся со светлой, благородной дорогой замечательного человека - архиепископа Японского, Преосвященного Николая.

Не имея достаточных материальных средств отец Николай все-таки сумел создать в Японии несколько учебных заведений. В одно из них - духовную семинарию в Киото благодаря помощи неизвестного нам доброжелателя и попал четырнадцатилетний сирота Вася Ощепков.

Семинария дала Василию отличное образование, помогла стать по-настоящему интеллигентным человеком в добрых старых русских традициях. Судьба, наконец, улыбнулась отверженному - сироте, незаконнорожденному сыну каторжанки, открыв перед ним завидную, казалось бы, возможность быть посвященным в почетный сан священнослужителя. Выяснилось, однако, что Василий жил совсем другими интересами.

Широта взглядов архиепископа проявилась и в том, что в семинарии для желающих преподавались даже основы борьбы дзюдо, всего лишь двадцать пять лет назад созданной знаменитым теперь педагогом Дзигаро Кано. Василий с головой окунулся в эту новую для себя увлекательную стихию. Сообразительный и ловкий ученик, быстро постигавший технику японской борьбы, понравился преподавателю, и тот оказал ему одну немаловажную услугу.

Раз в год проводился отбор лучших для обучения в знаменитом институте Кодокан-дзюдо, и учитель под большим секретом сообщил приглянувшемуся ему русскому пареньку необычный принцип этого отбора. Наступил торжественный день. В зале множество молодых претендентов чинно расселись на соломенных циновках - татами, и сам основатель дзюдо доктор Дзигаро Кано обратился к ним с речью. Нравоучительная речь была длиннейшей и, откровенно говоря, довольно скучной. Молодым людям, при всем уважении к оратору, трудно было удержаться от отго, чтобы не оглянуться по сторонам, не взглянуть на своих соседей. Но Ощепков уже знал, что сзади за ними пристально следят преподаватели Кодокана. И каждое движение абитуриентов расценивается ими как невнимание и даже недостаточное уважение к великому гроссмейстеру дзюдо. Василий все еще как следует не привык сидеть по-японски: без стула, на собственных пятках. Затекшие ноги невыносимо ныли, мучительно хотелось вытащить их из-под себя и

выпрямить, ну хотя бы просто чуть пошевелить ногами, но он по-прежнему сидел совсем неподвижно. А когда к нему подошли и сказали, что он принят в Кодокан, Ощепков попытался встать на совершенно онемевшие ноги, но так и не смог этого сделать, а только повалился на бок.

В архивах Кодокана до наших дней сохранилась запись о поступлении туда Василия Ощепкова 29 октября 1911 года. Василий в полном объеме познал всю суровую школу дзюдо тех лет. Даже в наши дни японские специалисты считают, что практикуемая в Японии тренировка дзюдоистов непосильна для европейцев. Тогда же система обучения была особенно жестокой и совершенно безжалостной. К тому же это было время, когда еще чувствовались отзвуки недавней русско-японской войны, и русского парня особенно охотно выбирали в качестве партнера. В нем видели не условно-спортивного, а реального противника. Еще недостаточно умелого Ощепкова более опытные борцы беспощадно швыряли на жесткий татами, душили и выламывали руки, а он, по дзюдоистскому обыкновению, благодарил их за науку смиренным поклоном даже тогда, когда у него оказалось сломано ребро. Вскоре, однако, с ним уже стало не так-то просто бороться даже искушенным дзюдоистам.

Василий не только успешно закончил это весьма своеобразное учебное заведение, но и стал после этого претендовать на получение мастерского звания. И всего лишь полгода потребовалось ему для того, чтобы завоевать право подпоясать свое кимоно черным мастерским поясом. Японцы необычайно ревностно относились тогда к присуждению мастерских степеней - данов, и особенно иностранцам. Ощепков стал первым русским и одним из всего лишь четверых европейцев, заслуживших в те годы первый дан.

Владивостокская газета сообщила об успехе Ощепкова так: "...благодаря своим выдающимся способностям, отмеченным самим основателем школы Кано Дзигаро, чрезвычайно быстро, в шесть месяцев, достиг звания "сёдана", то есть учителя первой степени, и получил отличительный знак "черный пояс"".

Действительно, упрямый русский юноша удостоился теплой похвалы самого гроссмейстера Кано, который был не очень-то щедр на подобные вещи. И долго еще хранил Ощепков японский журнал, написавший о нем: "Русский медведь добился своей цели". Забегая вперед следует сказать, что довольно скоро Василий предстал перед строгими экзаменаторами Кодокана, которые единодушно присвоили ему следующую, еще более высокую мастерскую ступень - второй дан.

Возвратившись на родину, Ощепков, знавший не только японский, но и английский язык, начал работать военным переводчиком. Совершенно естественно, что, оказавшись снова в России, именно он стал пионером дзюдо в нашей стране и щедро делился своими обширными познаниями с молодежью. Шел 1914 год. В то время экзотическая японская борьба была в большую новинку даже для задававших тон в спорте западных держав, а в самом отдаленном провинциальном городе России активно функционировал кружок дзюдо, насчитывавший до полусотни занимающихся. Овладев под руководством своего опытного наставника основами этой борьбы, кружковцы стали проводить в обществе поначалу внутренние состязания. Да и самая первая в мире международная встреча по дзюдо проходила не в Париже, Лондоне или Нью-Йорке, а в российской "глубинке" - городе Владивостоке.

Дадим слово выходившей там газете "Далекая окраина": "...в помещении Владивостокского общества "Спорт" состоялось весьма интересное состязание по "Дзюу-Дзюцу" прибывших из Японии во главе со своим преподавателем господином Хидетеси Томабеци экскурсантов-воспитанников японского

высшего коммерческого училища города Отару и местного спортивного кружка "Спорт", организованное руководителем этого кружка В.С.Ощепковым, при личном участии самого господина Ощепкова, привлекшего массу публики... Некоторые приемы самозащиты были продемонстрированы господином Ощепковым, причем нападения на него делались не только при встрече лицом к лицу, но и сзади". Чудом сохранилась даже и фотография, запечатлевшая участников этой исторической встречи в полном спортивном облачении и во главе с В.С.Ощепковым и Х.Томабеци, который тоже обладал черным поясом.

С 1921 года Ощепков - командир Красной Армии. Но в последующие годы ему приходится выполнять весьма странную для кадрового военного миссию: он рекламирует и продает советские фильмы в Китае и Японии. Однако эта сугубо штатская коммерция была всего лишь "крышей", прикрывавшей его опасную и эффективную разведывательную работу. В то время и Китай, и Япония были непримиримо враждебны Советскому Союзу, но хорошее знание этих стран, свободное владение восточными языками позволяло ему успешно преодолевать все трудности. Да и отличное знание боевых систем тоже не мешало в подобных условиях. Судя по всему, этот знаток борьбы и самозащиты находясь в Китае не упустил редкой возможности ознакомиться и с предтечей джиу-джитсу - древнекитайской боевой системой ушу - непосредственно на ее родине. Впоследствии в своих работах он называл ее "у-ши", стараясь точнее передать китайское произношение этого слова.

А когда Василий Сергеевич возвратился во Владивосток, то конечно же снова обратился к своей любимой деятельности: увлеченно вел занятия с учениками нового поколения.

Вскоре Ощепков переехал в Новосибирск. Он навсегда покинул Дальний Восток. Приказом Реввоенсовета СССР Ощепков был назначен военным переводчиком в один из отделов штаба Сибирского военного округа. Василий Сергеевич был блестящим знатоком весьма сложного для европейцев японского языка. С ним, бывало, консультировались даже крупные специалисты. И все-таки борьба и самозащита уже составляли один из наиболее важных, если не самый важный интерес в его жизни. И разумеется, оказавшись на новом месте жительства, он сразу же стал и там пропагандировать свою науку самозащиты, особенно важную в военной среде.

На собрании ячейки Осоавиахима при штабе Сибирского военного округа Василий Сергеевич выступил с увлекательным докладом об искусстве самозащиты, специально указав на то, что дзюдо используется в армиях многих капиталистических стран. А для того чтобы не быть голословным, тут же продемонстрировал целый ряд приемов обезоруживания. Новосибирские газеты, поспешившие сообщить о таком незаурядном событии, в один голос утверждали, что "приемы поражали своей красивой техникой исполнения и произвели на присутствующих исключительное восхищение". При этом мастер самозащиты выразил согласие выступить еще раз публично для того, чтобы противостоять уже целой группе нападающих.

Немедленно было решено организовать для сотрудников штаба кружок по изучению приемов самозащиты. Популярность Василия Сергеевича росла. Услугами редкого специалиста поспешило воспользоваться местное общество "Динамо", объединившее чекистов, а также школа милиции.

Дальнейшая судьба развития искусства самозащиты, а в конечном счете и борьбы самбо оказалась в руках Бориса Сергеевича Кальпуса. Были это надежные и сильные руки. Старый спортсмен, он имел генеральское звание - комкор - и занимал должность заместителя инспектора вневойсковой и физической подготовки Красной Армии. Узнав о

деятельности Ощепкова в Новосибирских военных и динамовских организациях, он сразу же и безошибочно оценил ее потенциально важную роль в совершенствовании армейского рукопашного боя. И Василий Сергеевич получил приглашение в Москву.

Теперь уже в центральном органе спортивной печати - декабрьском номере журнала "Физкультура и спорт" за 1929 год - появилось такое интригующее сообщение: "Дзю-до" - путь к ловкости, так называется неизвестная у нас до сих пор японская система самозащиты. В предстоящем зимнем сезоне с этой системой Москва впервые познакомится. На днях при спортивном секторе ЦДКА открываются двухмесячные курсы.

В программу занятий войдут: 1)броски, рычаги, удары руками и ногами и удушения; 2)приемы самозащиты невооруженного противника против вооруженного винтовкой, револьвером, саблей, ножом или другим холодным оружием ближнего боя; 3)приемы рукопашной схватки двух невооруженных. За основу будет принята японская система самозащиты "дзюу-до", как наиболее проработанная, а главное представляющая собой уже готовый комплекс различных приемов самозащиты.

Для желающих совершенствоваться в этой системе будут созданы специальные спортивные группы, которые будут проходить тренировку и выступать в соревнованиях, намечающихся к проведению в будущем. Курсами будет руководить инструктор т.Ощепков, окончивший институт "Кодокан-дзюу-до" в Японии (в Токио)".

Василий Сергеевич каждый раз начинал работу с впечатляющей демонстрации своего искусства в исполнении приемов самозащиты и обезоруживания. Это была его давно и надежно апробированная тренерская манера. На этот раз он вышел на сцену зала Центрального Дома Красной Армии во время специально устроенного по этому случаю спортивного вечера. Зрители с интересом смотрели на рослого, крепко сложенного бритоголового мужчину в полувоенном, как тогда говорили, костюме: в гимнастерке без петлиц, галифе и крагах (краги были у Ощепкова неизменной обувью). Потребовалось совсем немного времени для того, чтобы убедиться, что выступает отличный мастер и блестящий демонстратор. На него нападало одновременно по нескольку "противников", нападали с голыми руками, рубили шашкой, кололи штыком, били палкой, наносили режущие удары кинжалом, стреляли в упор из пистолета. И все это не "демонстрационно", а всерьез: боевой штык, остро отточенные нож и шашка и даже пистолет заряжался гильзой, из которой удалялись пуля и порох, но капсюль сохранялся. Проверяющий становился позади Ощепкова и мог точно сказать, успел ли демонстратор отбить оружие раньше выстрела "нападающего", так как в этом случае ясно видел легкуя вспышку капсюля в стволе отведенного в торону оружия, которое уже не заслоняла фигура Ощепкова.

Все было по-настоящему, и отлетали в сторону выбитые из рук ножи. Винтовка или пистолет мгновенно оказывались в руках у Ощепкова, не успев даже выстрелить, а "противники" летели на замлю, описав в воздухе ногами широкую дугу, или невольно вскрикивали, попав на железную хватку болевого приема. В ближайшем же номере "Физкультуры и спорта" был помещен броский фотоочерк, показавший целый ряд этих впечатляющих приемов, и восторженный комментарий к нему.

Еще в конце 1929 года были организованы курсы для начальствующего состава московского гарнизона с целью подготовки к организации обучения рукопашному бою по новому, готовящемуся к выпуску руководству. В программу вошли приемы самозащиты, обезоруживания, а руководителем курсов стал Василий Сергеевич.

Конечно же, не мог он не принимать деятельного участия и в разработке самого этого руководства. А когда вскоре оно вышло в свет, на его страницах можно было увилеть и иллюстрации, и описания безотказных ощепковских приемов. При этом Василий Сергеевич не ограничивался только теорией, но, приняв участие в соревнованиях ЦДКА по рукопашному бою, занял там первое место.

Тогда же в самом начале тридцатых годов был учрежден наш знаменитый физкультурный комплекс, получивший недвусмысленное название "Готов к труду и обороне". В качестве одной из норм ГТО второй ступени были введены приемы самозащиты и обезоруживания не только для мужчин, но даже для женщин. Разрабатывать эту норму довелось не кому-либо иному, как Ощепкову.

Василий Сергеевич умел смотреть далеко вперед. Возьмите хотя бы такой факт. За последние десятилетия, принесшие моду на кунфу, каратэ и таэквондо, резко повысилась роль ударов ногами в рукопашной схватке. А Ощепков еще полвека назад придавал большое значение этому эффективному средству безоружного боя. Его принцип: удар-прием-удар. Вместе с тем он понимал, что прочный навык как умелого использования ударов ногами, так и защиты от них может дать только вольная схватка. Но вольная схватка с использованием таких опасных для здоровья спортсменов приемов приемов, как мощные удары ног, была невозможной. И вот, будучи неутомимым новатором, Василий Сергеевич конструирует защищающие спортсменов фанерные "доспехи" и даже "перчатки для ног", существенно смягчающие удары. Когда я увидел такие вот "перчатки" на фотографии в современном венгерском спортивном журнале, то невольно подумал о том, насколько обгонял Ощепков свое время.

Современная борьба самбо, хотя и обрела со временем название, которым пользовался Спиридонов, главным образом вырастала из того, что было сделано именно Ощепковым. Решительно отвергая весьма распространенное в те годы кустарное натаскивание на приемы, Василий Сергеевич исходил из того, что безотказно прочные навыки самозащиты могут быть воспитаны только лишь на широкой и надежной спортивной основе. Спортивная схватка, хотя и является в значительной степени условной, но именно она воспитывает такие совершенно необходимые качества бойца, как умение быстро и правильно ориентироваться в мгновенно меняющейся обстановке борьбы, своевременно и избирательно использовать наиболее подходящие действенные приемы. И все это несмотря на психологическое напряжение борющегося, его стрессовое состояние. Спортивное единоборство позволяет надежно закрепить полезные боевые навыки в обстановке близкой к действительной схватке, встречая вполне реальное и достаточно ощутимое сопротивление партнера.

Но какая же конкретно борьба могла послужить наилучшей основой для воспитания необходимых боевых навыков? Выше я говорил, что Ощепков обучал японскому дзюдо. Так оно и было в начале его работы, но только в начале. Однако уже на определенном этапе деятельность Василия Сергеевича, а затем вместе с ней и работа коллектива его учеников стали той творческой лабораторией, в которой родилось наше самбо - новый, интернациональный в своей основе вид спорта, объединивший лучшие достижения многих международных и национальных единоборств, в том числе, разумеется, и дзюдо.

Как же рождался этот новый наш вид спортивной борьбы? Василий Сергеевич отлично знал дзюдо и понимал все его несомненные достоинства. Но, в отличие от множества других - зарубежных - адептов этой японской системы, столь же отчетливо видел и ее серьезные недочеты.

И, к его чести, он отнюдь не был всего лишь робким учеником японцев, столь же отчетливо видел и серьезные ее недочеты. И, к его чести, он отнюдь не был всего лишь робким учеником японцев, этаким ортодоксальным копиистом, боявшимся даже подумать о том, чтобы сломать "священные" каноны дзюдо, установленные некогда самим Дзигаро Кано. Ощепков вовсе не собирался ограничиваться только тем, что уже было сделано в Японии. Он всеми силами старался создать эффективно модернизированную систему прикладной борьбы и самозащиты, которая должна была превосходить любую иную, в том числе и японскую.

Развитие этой ощепковской системы происходило совершенно самостоятельно, при отсутствии каких-либо контактов с зарубежными школами дзюдо и, что было особенно важно, - с канонической японской. Таким образом, Василия Сергеевича ничто не связывало, ничто ему не мешало, он был совершенно свободен в своей творческой деятельности. Подход Василия Сергеевича к своей работе был истинно научным. Такой подход, как известно, требует постоянного пересмотра и замены устаревших положений; их строгой критической оценки на основе новых, более передовых, прогрессивных знаний. Именно так, научно и по-настоящему творчески, подходил Ощепков к своему делу.

Татами у наших спортсменов отсутствовали, и их заменили мягким борцовским ковром. Вместо свободных, как балахоны, японских кимоно были введены приталенные, более узкие, куртки. Отказались и от дзюдоистских панталон, заменив их спортивными трусами. Боролись не босиком, как японцы, а в "борцовках" - специальных борцовских легких ботинках.

На первый взгляд может показаться, что изменения незначительные. Но было вовсе не так. Все это неизбежно влекло за собой появление определенных особенностей техники, существенно отличных от классического дзюдо. Чтобы понять истинное значение этих факторов, достаточно вспомнить обратный пример, как в шестидесятых годах нашим самбистам, начавшим выступать в дзюдо, приходилось основательно переучиваться с учетом жесткого татами, свободного кимоно и босых ступней.

Наличие мягкого ковра не только смяшчало падения борцов, уменьшая травмы, но и способствовало успешному развитию техники борьбы лежа. Сами японцы впоследствии отмечали, что этот раздел техники самбо более совершенен, чем в дзюдо. И даже специально изучали нашу борьбу, чтобы обогатить свой арсенал приемов.

Каким это сегодня ни покажется странным, но во времена Ощепкова методика преподавания дзюдо даже у самих японцев, не говоря уж об их иностранных последователях, была разработана крайне слабо, практически отсутствовала. Обучали на глазок, каждый в меру своего опыта и способностей. Точно так же японские специалисты отрицали необходимость общеразвивающих физических упражнений и попросту игнорировали их.

Василий Сергеевич писал так: "...наша задача состоит в том, чтобы поднять дело изучения дзюу-до, особенно с методической и гигиенической стороны, на значительно более высокую ступень, чем это достигнуто, например, немцами, у которых эта система в последние годы вылилась в форму массового спорта... В методическом отношении по изучению дзюу-до мы расходимся не только с немцами, но и с институтом Кодокан... Что касается института Кодокан, то он до сего времени не удосужился разработать отдел подготовительных упражнений общеразвивающего характера... возможность равномерного развития организма без специальных упражнений достигнута быть не может".

На протяжении многих лет своей работы Василий Сергеевич не замыкался в узких

рамках дзюдо. Широкий диапазон его профессиональных познаний охватывал еще и последние достижения отечественной, западно-европейской и американской наук физического воспитания. Это давало возможность полноценно и на современном ему научном уровне восполнять существенные пробелы японской системы. Так в качестве упражнений общеразвивающего характера он широко использовал так называемые "вольные движения" из систем Мюллера, Бука, Сюрена, из шведской системы. Был также введен строгий врачебный контроль за состоянием здоровья занимающихся.

Существенные изменения вносились также в правила, которые тем самым совершенствовались и приближались к правилам других, уже практиковавшихся у нас международных спортивных единоборств.

Думается, однако, что наиболее важное значение для формирования нового, "синтетического" вида борьбы имело создание технического, а в связи с ним и тактического его арсенала. Сам Ощепков немало раздумывал над этим вопросом, отводя ему едва ли не решающую роль. Он специально указывал, что борьбу следует не просто пассивно изучать, "но и добиться применения ее в деле укрепления обороноспособности нашей страны, обогатив ее нашими достижениями в смысле методики ее изучения и техники выполнения ее приемов" (выделено мною. - М.Л.).

Ощепков без всяких колебаний отбрасывал многие "антикварные ценности" дзюдо и решительно обновлял технику. На место безнадежно устаревших приходили новые, действенные приемы.

Неуклонное обогащение и совершенствование техники самыми различными путями было одной из основных задач Василия Сергеевича. Во-первых, он ввел болевые приемы на ноги, которые в спортивном дзюдо не использовались. Кроме того, была задействована также сама тренировочно-состязательная практика многочисленных ощепковских учеников и, конечно, самого Василия Сергеевича. Она неизбежно рождала определенные свои особенности в той самой обогащенной "технике выполнения приемов", о которой говорил Ощепков. Ведь эта практика приходила уже в новых, отличных от традиционного дзюдо условиях и, естественно, приносила какие-то самобытные приемы и их комбинации. Все это, несомненно, давало свои результаты, но решающим все-таки стало другое.

Ощепков проанализировал все существовавшие тогда международные спортивные единоборства, китайское ушу и целый ряд национальных видов борьбы с точки зрения применимости их техники в боевой схватке. В орбите его пристального внимания оказались не только удары ушу, английского и французского бокса, но еще приемы "финско-французской", а также целого ряда иных видов борьбы, которые Василий Сергеевич именовал "вольной": вольно-американской, швейцарской, кавказской и персидской. Он специально отметил, что некоторые приемы и особенно броски всех этих видов "вольной" борьбы могут с успехом применяться и в целях самозащиты.

Стремясь возможно шире внедрять полезные навыки рукопашного боя, Ощепков неутомимо ведет работу в самых различных военных и гражданских организациях, но настоящим звездным часом в его деятельности становится преподавание в Московском институте физкультуры. Существенно двинуть вперед дело распространения в стране новой борьбы и самозащиты можно было только при условии достаточного количества тренеров. И Василий Сергеевич передавал свои знания молодежи, получавшей высшее физкультурное образование. Передавал как эстафетную палочку новому поколению высококвалифицированных тренеров, и они словно в звездной эстафеет несли полученные познания,

умножая их собственным опытом, во многие города страны.

Теперь Василий Сергеевич уже был не один, в работу успешно включились все новые поколения его воспитанников: В.Г.Кузовлев, В.В.Сидоров, Н.М.Галковский, И.В.Васильев, Р.А.Школьников, А.А.Харлампиев и многие другие. Они преподавали не только в целом ряде столичных кружков, но и в Ленинграде, Харькове и других городах. Постепенно самозащита и основанная на ней спортивная борьба начинает изучаться во всех четырех институтах и двадцати четырех техникумах физкультуры страны.

Работа в инфизкульте дала Ощепкову уникальную возможность познакомиться с национальной борьбой. В московский институт целыми группами приходили увлеченные физической культурой сильные и ловкие парни из национальных республик. Едва ли не каждый из них был хорошо знаком с искусством борьбы своего народа. Занимаясь у Василия Сергеевича, они сноровисто использовали на ковре собственные, с детства знакомые приемы и, еще сами не осознавая того, вносили свой вклад в новую, только еще рождавшуюся борьбу.

Не следует, однако, думать, что Василий Сергеевич оставался безучастным зрителем этого творческого процесса, в котором участвовали десятки борцов, представлявших и национальные единоборства, и международные виды борьбы.

В принципе Ощепков проделал ту же самую эволюцию, что и Спиридонов, но на более высоком уровне: познав японскую систему, понял, что можно и нужно создать еше более совершенную, но уже интернационального характера, а это, несомненно, открывало значительно более широкие горизонты. Его работа стала новым и более высоким витком в поступательном развитии нового прикладного вида борьбы.

В правилах соревнований, разработанных Ощепковым в 1933 году, в качестве разрешенных указывались не только японские, но также и приемы финско-французской и вольно-американской борьбы в партере, а в стоцке помимо бросков из этих двух видов спортивных единоборств еще из швейцарской и кавказской.

За этим стояли кардинальные и решающие изменения, впервые обозначившие ту широкую и надежную интернациональную базу, на которой Ощепковым начинал строиться принципиально новый прикладной вид борьбы. Он пошел значительно дальше Спиридонова и был в этом более последователен.

Необходимо пояснить, что представляли собой те виды борьбы, которые упоминались в правилах. Финско-французской называлась в те годы французская (то есть классическая) борьба, чем отмечался серьезный вклад в ее технику, сделанный финскими борцами. Вольно-американская - это вольная борьба, но которая в то время располагала более жесткими, по существу - болевыми приемами. Швейцарской, или русско-швейцарской, еще со времен старых цирковых чемпионатов именовалась простая русская борьба на поясах, которой таким образом придавался рекламный заграничный колорит. Однако Ощепков имел в виду ту технически более богатую разновидность поясной бборьбы, в которой применялись подножки. Под кавказской в первую очередь подразумевались грузинская чидаоба и азербайджанский гюлеш, мало отличающийся от персидской борьбы.

Такой была та обстановка, в которой Ощепков дал в своих правилах зеленую улицу национальным единоборствам и обратился к изучению их. Его ученик - А.А.Харлампиев тридцать лет спустя написал о том, что Василий Сергеевич

даже специально устраивал матчи своих воспитанников с представителями национальных видов борьбы, в первую очередь грузинской - чидаоба, и узбекской - кураш. Своему ученику и помощнику по преподаванию в институте Борису Сагателяну он поручил привезти из поездки на Кавказ фотографии фаз исполнения приемов грузинской борьбы.

Дзюдо, с которого когда-то начинал Ощепков, постепенно но все заметнее превращалось всего лишь в одну из составляющих среди многих иных международных и национальных видов борьбы, синтезированных новым прикладным единоборством. И чем больше проходило времени, тем сильнее расходились пути японской системы и нашей борьбы.

Когда в начале шестидесятых годов известный американский дзюдоист высокого седьмого дана - Донн Дрегер - написал нижеприведенные слова, он не только констатировал факт, но еще и потвердил задним числом абсолютную правильность пути, избранного Ощепковым еще за тридцать лет до этого: "Дзюдо - пройденный этап для самбистов. Они очень быстро и просто освоили дзюдо. Я не хочу на этом подробно останавливаться, но вы должны знать, что самбисты после 4-6 месяцев подготовки могли успешно бороться с обладателями 4-го дана (заметьте, что при этом они были ограничены непривычными для них правилами дзюдо).

Отличительной чертой, с которой столкнулись дзюдоисты на первых соревнованиях с самбистами, была особая устойчивость от бросков во всех направлениях, их феноменальный баланс. Попытки дзюдоистов провести броски в стойке и перевороты в партере разбивались о защиту самбистов... Они мастера проведения болевых приемов из всех положений, в том числе и из стойки. Дзюдоисты должны твердо усвоить, что болевые приемы могут начинаться в стойке, и самбисты часто используют такую технику... Захваты самбистов часто ставят дзюдоистов в беспомощное положение своей силой и эффективностью...

Самбо - это вызов дзюдо. До сих пор дзюдо воображало о себе слишком много. Окружившись баррикадами японских традиций, оно чувствовало себя более или менее в безопасности. Теперь в этом узком спортивном мире появилась новая форма борьбы, такая как самбо, которое открывает неожиданный факт - дзюдо не совершенно, оно имеет множество болезней и с точки зрения современного отношения к спортивным соревнованиям требует внимательного исследования и изучения.

Самбо овладевает Востоком и Европой. Это слово сейчас вызывает среди дзюдоистов внимание и уважение, поскольку удары, нанесенные самбо, были весьма чувствительны и потребовали пересмотра целого ряда позиций в дзюдо."

Таким образом, если когда-то, на первых этапах своего существования самбо использовало достижения японской борьбы, то затем стало с лихвой возвращать ей старые долги, заметно влияя и на ее правила, обогащая и модернизируя ее.

Ощепков постоянно заботился о проведении публичных состязаний для своих учеников. Он отлично знал, что в ответственных условиях соревнований особенно строго проверяются и вместе с тем закрепляются навыки, полученные на тренировках. Не говоря уж о том, что публичные выступления служили отличной пропагандой нового вида борьбы. Первые открытые соревнования Василий Сергеевич организовал в институте физкультуры еще в 1932 году. На следующий год состоялись состязания в рамках первой вузовской спартакиады института. В 1935 году состоялось не только первенство института физкльтуры, но и первый чемпионат столицы. С тех пор они проводились регулярно, даже в тяжелое военное время, кроме 1943 и 1945 годов. Не отстав от москвичей,

ленинградские борцы с того же, тридцать пятого тоже начали систематически организовывать первенства своего города. Их последний предвоенный чемпионат закончился буквально за две недели до фашистского нападения на нашу страну.

Стараниями Василия Сергеевича были организованы сначала только московская, а затем и Всесоюзная секция (федерации) вольной борьбы дзюдо, председателем которой, разумеется, стал он сам. Однако уже настало время массовых репрессий, всеобщего страха и подозрительности, и над дзюдо как над системой, пришедшей из враждебной нам в те годы Японии, не могли не сгущаться тучи. Над ней уже откровенно начали довлеть неприязнь и недоверие, а для руководящих в спорте лиц - даже и опасения быть обвиненными во вредительской враждебной деятельности. Молодым поколениям это трудно даже представить, но тогда малейшая тень подозрения, брошенная пусть заведомо ложным доносом какого-нибудь негодяя - недоброжелателя, вполне могла стоить не то что карьеры, а самой жизни.

Когда еще речь шла о дзюдо как о системе самозащиты, то негативным мнениям можно было противопоставить ее несомненную необходимость и приносимую пользу. Но вот культивировать "японскую борьбу" в качестве столь же полезного и равноправного вида спорта - было уже тяжеловато. Здесь опасения и возражения сверху вставали в полный рост.

Борьба дзюдо была вообще исключена из учебных планов институтов и техникумов физкультуры. А ленинградский спорткомитет отказался от запланированной было благодаря стараниям Ощепкова матчевой встречи своих борцов с москвичами. Разумеется, Василий Сергеевич никак не мог смириться с этими совершенно необъяснимо нелепыми, а в действительности - трусливо шкурными действиями. Всего лишь за четыре месяца до своей трагической гибели он пишет резко протестующие письма во Всесоюзный спорткомитет, инспекцию физподготовки и спорта армии; в Московский, Ленинградский, Украинский и Закавказский институты физической культуры. Никаких ответов на эти письма Ощепков, дни которого были уже сочтены, конечно, не получил.

Василий Сергеевич работал тогда над книгой, излагал в ней богатые результаты своей долголетней творческой деятельности. Однако закончить этот капитальный труд, который стал делом всей его жизни, Ощепкову так и не довелось. Уже наступил недоброй памяти тридцать седьмой год. По всей стране гуляла зловещая круговерть ночных арестов. "Лучше арестовать десять невиновных, чем упустить хотя бы одного шпиона" - этот "количественный" подход был залогом чекистской "бдительности" тех лет. Критерий преступной неблагонадежности был тогда до глупости прост: арестовывали тех, кто побывал за границей или имел там родственников, знакомых. Василий Сергеевич имел несчастье попадать именно под эту категорию. И 29 сентября на Лубянке было утверждено так называемое "Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения", в котором лживо утверждалось: "Ощепков Василий Сергеевич достаточно изобличается в том, что, проживая в СССР, занимается шпионажем в пользу Японии... гражданина Ощепкова привлечь в качестве обвиняемого по ст.58 п.6. Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей". А в ночь с первого на второе октября Василия Сергеевича разбудил оглушительно громкий в ночи и требовательно долгий звонок в двери его квартиры...

На десятый день после ареста Ощепкова уже не было в живых. О том, что с ним делалось в эти дни, материалы дела хранят молчание. Вероятно, за это время он не раз был допрошен, его вынуждали "сознаться" в преступлении, которого он не совершал, и назвать несуществующих

сообщников. А если его пытались при этом бить, то, судя по его характеру, весьма вероятно, что он в десять крат ответил своим палачам. В деле же зафиксировано только следующее: "Можно предположить, что смерть наступила во время приступа грудной жабы". (В те годы арестованные то и дело внезапно умирали от самых разнообразнейших болезней). Этот замечательный человек и выдающийся специалист погиб в расцвете творческих сил, всего лишь сорока четырех лет от роду, и как много полезнейших и больших дел осталось им не сделанными...

Арест Ощепкова не повлек за собой, как это случалось обычно, цепную реакцию новых арестов невинных людей. Он никого не оклеветал на допросах, хотя, по всей вероятности, это стоило ему жизни. Его смерть оборвала "ощепковскую нить" следствия, и сотрудники НКВД уже не смогли нанизывать на нее судьбы и жизни новых своих жертв. Однако о смерти Ощепкова еще никто не знал, кроме нескольких заплечных дел мастеров, и угроза полностью сохранялась. Конечно же все, кто прежде контактировал с Василием Сергеевичем, чувствовали себя очень и очень неуютно: связь с "врагом народа" кого угодно могла скомпроментировать и повлечь весьма точно предсказуемые последствия. Именно в эти дни с судорожной поспешностью уничтожалось, выбрасывалось все, что могло доказывать контакты, а тем более добрые отношения с Ощепковым. Сжигались письма, деловые бумаги, документы. Тщательно зачеркивалось химическим карандашом его лицо на групповых фотографиях. Ученики Василия Сергеевича пусть молчаливо, однако все же отрекались от своего учителя. При всем этом мне очень приятно сказать, что отнюдь не все поступали так. Наиболее мужественные все-таки хранили тайно его фото, и именно благодаря им мы можем сегодня увидеть облик создателя самбо.

Пусть учеников Ощепкова еще не начали арестовывать, но они прямо-таки физически ощущали угрозу, нависшую над всеми ними, да и над самой ощепковской борьбой. Сложилась критическая ситуация, когда они были вынуждены спасать не только самих себя, но и свой вид спорта - любимое детище Василия Сергеевича. А сделать это можно было только лишь перечеркнув и придав глухому забвению имя учителя, а вместе с ним и "подозрительные" японские корни преподававшейся им борьбы. Было решено и одобрено спортивынм начальством "окрестить" ощепковскую борьбу новым "непорочным" названием, а вместе с новым именем дать ей и новую, "чистую анкету". Расхожим лозунгом в те годы было: "Национальная по форме и социалистическая по содержанию". Вот и решили придать подозрительной борьбе абсолютно лояльную и даже похвальную патриотическую биографию: не то, что национальную, а даже советскоинтернациональную по происхождению и глубоко социалистическую по содержанию. Своевременная находка была довольно удачной. С одной стороны, она позволяла начисто откреститься как от принесшего эту борьбу "врага народа", так и от ее угрожающе зловещего японского "родства". А с другой - и не была полностью вымышленной: ведь и сам Ощепков и особенно его ученики из южных и юго-восточных республик действительно уже внесли немало заимствованного из техники и тактики национальных видов борьбы. Так что новая спасительная версия все-таки имела хоть какие-то реальные точки опоры, а не повисала полностью в воздухе.

И вот летом 1938 года в Москве был организован Всесоюзный сбор, тот самый, на котором Анатолий Харлампиев будто бы познакомил собравшихся с созданным им новым видом борьбы (хотя ряд собравшихся начали заниматься этой борьбой значительно раньше Анатолия и знали ее куда как лучше его). Нужно, впрочем, отдать должное ловкой и беззастенчиво саморекламной харлампиевской версии о его якобы авторстве: в ней ложь была очень искусно

перемешана с полуправдой. Он действительно участвовал в сборе в качестве старшего тренера, выступал на состоявшейся после этого конференции и даже предложил систематику и терминологию борцовских приемов. Но, разумеется, тогда он и заикнуться не посмел о своем липовом авторстве по отношению к ощепковской борьбе. Подобное заявление Харлампиева в то время, когда еще каждый отлично знал об истинном происхождении этой борьбы, наверняка стало бы моральным самоубийством. Как если бы Анатолий, напримерЮ претендовал на авторство в создании футбола или изобретении велосипеда. Однако именно из этого, как из крохотного зернышка, вырастет впоследствии развесистая клюква самодеятельного мифа о Харлампиеве как о создателе самбо. Единственном и абсолютно самостоятельном!

А тогда Анатолия заботило только одно: необходимость как можно надежнее отмежеваться от своего учителя, поскорее перечеркнуть весь труд "врага народа". И вот участники конференции, занимавшиеся уже существенно реконструированной Ощепковым борьбой дзюдо и пришедшие на конференцию, посвященную именно этому единоборству, услышали вдруг в первой же фразе харлампиевского доклада: "Национальные борьбы нашего необъятного Советского Союза послужили основой для создания большой общей борьбы, которую сейчас мы с вами все называем `советской борьбой вольного стиля'". И хотя никто, никогда и ничего подобным образом не называл, все вполне дисциплинированно сидели и дружно помалкивали. Они, конечно, знали, что национальные виды борьбы внесли свои определенные элементы, но столь же четко понимали, что исходной точкой для Ощепкова были вовсе не эти единоборства, а именно дзюдо. Но Анатолий тем не менее изо всех сил "подводил базу".

Перечитывая стенограмму конференции, я никак не могу отделаться от впечатления, что проходил там какой-то непонятный спектакль театра абсурда, возможного только лишь в то иррациональное время. Спектакль, где актеры уверенно произносят со сцены совсем не то, что написано в пьесе, а зрители, отлично знающие об этой фальши, тем не менее дружно выражают свое полное согласие с ней и даже одобрение. А куда денешься, если все это поистине - ложь во спасение, да еще в какое насущно необходимое спасение! Вот и слушали, одобряли и бешенно аплодировали, боясь кончить хлопать раньше других, когда Анатолий патетически выкрикнул сакраментально дежурные слова: "Только в нашей Советской стране, руководимой коммунистической партией, которая идет под знаменами Ленина - Сталина, только в Сталинскую эпоху, согретые Сталинской заботой о человеке, народы необъятного Советского Союза Республик сумели создать прекрасный вид спорта - `Советскую борьбу вольного стиля'!" (Цитирую точно по стенограмме!).

Стенограмма конференции стала последним документом, в котором было употреблено название "борьба вольного стиля (дзюу-до)". Последнее слово было отсечено и оставлены лишь три первых. Строго говоря, подобное изменение названия было вполне своевременным и справедливым (разумеется, при условии, что оно проходило бы совсем под другим, не таким острым красным соусом). Все то, что за годы упорного творческого труда было создано Ощепковым и коллективом его учеников, явно придало борьбе оригинальные и самобытные черты. По существу, это был уже новый самостоятельный вид борьбы, который развивался по своим собственным законам и совершенно независимо от японской системы уверенно шел более перспективным путем. И лишь по инерции его все еще продолжали именовать "дзюу-до", предваряя это название поясняющими словами "вольная борьба" или "борьба вольного стиля". Однако было уже очевидно, что сохранение японского названия является несправедливым не только по отношению

к практиковавшемуся у нас прикладному единоборству, но и по отношению к самому классическому дзюдо Страны восходящего солнца.

Принятое конференцией и потвержденное приказом Госкомспорта название нашей борьбы дублировало "имя" уже достаточно широко практиковавшегося международного спортивного единоборства. Но в то время у нас в стране культивировался всего лишь один международный вид спортивной борьбы - французская (классическая, теперь - греко-римская), и предложенное название подчеркивало принципиальное отличие от нее прикладной борьбы, ее более широкий технический арсенал, свободный от условных ограничений французской. Вместе с тем вольня борьба по международным правилам в Советском Союзе еще не культивировалась и была даже вообще малоизвестна, поэтому нежелательного совпадения наименований двух различных разновидностей борьбы тогда произойти не могло.

Так или иначе, но тогда, в конце тридцатых, ощепковская борьба благодаря своему деланному безукоризненно патриотическому происхождению и чистой анкете уже беспрепятственно получила "вид на жительство". Тучи над ней рассеялись. Началась череда крупных состязаний: междугородние матчи с участием команд пяти-шести городов, а с 1939 года даже первенства Советского Союза.

Вместе со спортивным успешно шло развитие и боевого раздела. Годы войны убедительно доказали, что Василию Сергеевичу, несмотря на преждевременную смерть, удалось успешно выполнить свою задачу и заложить основы боевой системы, превосходящей японскую.

Уже ушедший из жизни, ославленный как государственный преступник - Ощепков тем не менее вносил свой вклад в дело борьбы с нашим смертельным врагом. Старого мастера не было в живых, но его безотказные приемы служили верную службу, сокрушая в беспощадных рукопашных схватках и гитлеровцев, и японских самураев...

А созданной Ощепковым борьбе еще дважды жовелось менять название. Из "борьбы вольного стиля" она превратилась в "вольную борьбу". Но и это новое "имечко" употреблялось всего в течении пяти лет. Дело было в том, что, готовясь к выходу на широкую международную спортивную арену, у нас в стране в середине сороковых годов начали культивировать вольную борьбу по международным правилам. И в рамках системы нашего спорта оказалось вдруг два различных единоборства, имеющих почти одинаковое наименование. Естественно, что у молодого советского вида борьбы "отобрали" название в пользу почтенного международного собрата, и начались довольно-таки непростые поиски нового имени. В конце-концов решили остановиться на "вольная борьба самбо", учитывая прикладную направленность новой борьбы и даже ее определенную технико-тактическую близость системе самозащиты. Так возник сплав этих разноречивых слов - борьба самбо, противостояния которых мы уже просто не замечаем. Нетрудно представить, как возмутились бы и Ощепков и Спиридонов, узнав о подобном названии борьбы! Ведь они не только находились в отношениях определенной конфронтации, но и справедливо считали, что системы, созданные ими, далеко не идентичны и даже противостоят одна другой.

Изобретение этой звонкой аббревиатуры - "самбо" - Харлампиев был склонен считать единственной заслугой В.А.Спиридонова. Он утверждал, что спиридоновские приемы якобы вообще неисполнимы и просто никуда не годятся. Между тем именно Спиридонов, офицер старой армии, имевший боевые ордена за участие в русско-японской войне, сделал первый и, вероятно, самый трудный шаг в создании у нас синтетической боевой системы,

вобравшей лучшие достижения самых различных видов единоборств. Свою систему, которая вполне успешно выдержала испытания временем, он предназначал только лишь для служебного использования правоохранительными органами. А для целей тренировки стражей порядка Спиридонов создал также и ее чисто спортивный вариант, по которому проводились закрытые соревнования.

После войны Анатолий Аркадьевич Харлампиев вполне заслуженно стал единоличным и непререкаемым лидером в самбо. Было бы недобросовестно сомневаться в очень больших его заслугах в этой области. Но, к сожалению, человеческие достоинства его явно уступали профессиональным. Даже тогда, когда имя его учителя Ощепкова было наконец очищено от подлой грязи ложных обвинений, Харлампиев так и не нашел в себе мужества сказать правду о возникновении самбо; воздать должное тому, кто обучил его, новичка, первым приемам, и решительно отказаться от своего мнимого авторства. Более того, он даже усовершенствовал свой "автомиф". Стал уже утверждать, будто бы задание создать самбо дал ему в 1922 году не кто иной, как герой революции Н.И.Подвойский, хотя и был тогда Анатолий пятнадцатилетним подростком, не получившим еще даже среднего образования.

Знамениты рахтановский очерк тиражировался все эти годы много раз. Его завлекательный сюжет охотно пересказывали и другие спортивные журналисты. Подобные материалы шли буквально косяком. Сам Харлампиев во множестве своих интервью до конца жизни тоже усердно развивал приятную ему версию. Так что миф явно приобрел уже контуры реальных исторических фактов. А несколько лет назад он даже получил кинематографическое воплощение в фильме "Непобедимый".

Должен сказать, что и я сам отдал дань вездесущей легенде. Моим длительным заблуждением было преувеличение и без того достаточно больших заслуг самого Харлампиева. Очень долго я просто никак не мог представить себе, что подтасовка в истории самбо может иметь столь беспардонный масштаб и характер. Был уверен, что именно Анатолий Аркадьевич, а не его предшественники и учителя, сделал решающий вклад в создание самбо. Многого я еще не знал, во многом заблуждался, однако с глубоким удовлетворением думаю о том, что даже при этих условиях я в меру своих знаний всегда старался быть объективным и ни разу не сказал ни того, что якобы Харлампиев был первым, ни тем более - единственным. Первопроходцами всегда для меня оставались Спиридонов и Ощепков.

Едва ли не решающее значение имела также сложность и абсолютная неисследованность проблемы, над решением которой я начал работу, вопиющая неполнота фактического материала и его невероятная запутанность, нередко умышленная. Так что для того, чтобы распутать весь этот гордиев узел, в который зловеще сплелись высочайше утвержденное убийство, понятный страх, самоуверенное невежество, чрезвычайно искусная ложь и плотная завеса забвения, потребовалось не одно десятилетие.

В то же время буквально годами не удавалось опубликовать правдивые материалы о происхождении самбо. Случалось, что их "притормаживал" и сам Анатолий Аркадьевич. У меня был такой печальный опыт: тогда мой очерк для "Недели" дали на отзыв этому мэтру, и он сказал, что печатать никак нельзя: "А то получается, что мы все заимствовали у японцев".

Разумеется, после такого отзыва очерк публиковать отказались, хотя поначалу он и заинтересовал редакцию своей новизной. Это были хотя уже и остаточные, но все еще весьма ощутимые отзвуки пресловутой "борьбы с космополитизмом". Долгие годы велась у

нас эта очень крикливая и достаточно нечистоплотная кампания. Ее идеологи, спекулятивно и откровенно невежественно с яростью отрицали древнюю включенность России в процесс развития общемировой культуры. "Зарубежное заимствование" стало одиозным и даже пугающим. Считалось необходимым "патриотично" доказывать, что абсолютно все в нашей стране изобреталось и создавалось исключительно лишь самими нашими предками. Лучше любая фальсификация, только бы не признать чужеземное заимствование. И были даже такие ловкачи, которые защищали диссертации, доказывая, что якобы бокс "постепенно развился" из старинного русского кулачного боя. А потом из-за подобных глупостей иные "доброжелатели" злорадно острили: "Россия - родина слонов".

Вот и с моим очерком то же: а вдруг узнают, что начинали с японских дзюдо и джиу-джитсу? Но ведь сами же японцы заимствовали основы своего джиу-джитсу из Китая. И все это было в тех же рамках непременных основ развития мировой цивилизации: неизбежные и постоянные обмены ценностями между различными национальными культурами. И, честное слово, не видел я в этом ровным счетом ничего вредоносного и антисоветского!

Даже тогда, когда в 1982 году мне удалось наконец хотя бы вскользь упомянуть о рахтановской "истории" в одной из своих книг, это вызвало настоящий камнепад на мою грешную голову. Против меня дружно ополчились ученики Харлампиева самых разных поколений. Это были выпускники и работники Московского энергетического института, в котором преподавал Анатолий Аркадьевич. Даже сейчас, после всех бурных и не слишком приглядных событий, у меня не может не вызвать уважение это вполне естественное побуждение защитить своего учителя. Все они как один, не ведая истины, свято верили каждому слову Анатолия Аркадьевича, были убеждены, что самбо возникло иманно так, как он это утверждал, и любое сомнение в этой аксиоме воспринимали лишь только как оскорбительное и кощунственное святотатство. Только вот, к сожалению, при всем этом довелось им лишний раз доказать очевидную истину: невозможность бороться даже за самую благородную цель нечистоплотными средствами. А они начали борьбу не с концепцией, ошибочной на их взгляд, а против высказавшего ее человека. Вместо отго, чтобы смело доказывать мою неправоту в честной, открытой дискуссии, они просто-напросто накатали на меня пространный и достаточно некрасивый донос, отправив его "на самый верх" - в ЦК КПСС. От всей души желая надеяться, что это произведение станет одним из последних образцов безнадежно устаревшего, поситине убийственного эпистолярного жанра, который махровым цветом расцвел в недоброй памяти тридцать седьмом, я хочу сказать о нем всего несколько слов.

Больше всего меня поразила откровенная глупость и нечистоплотность выдвинутых против меня обвинений. В своей книжке я подробно рассказал, как рождалась в нашей стране борьба самбо, а меня уличали в том, что я приписываю авторство в отношении этой борьбы... Соединенным Штатам Америки! Впрочем, наверное, именно такое и нужно в подобном жанре.

В доносе досталось и поддерживавшей меня Федерации борьбы самбо СССР. Пасквилянты сообщили по начальству о зловещей тайне этой общественной организации: оказывается в ее президиум пробрались "лица еврейской национальности". (Когда впоследствии я узнал, что предвыборная программа общества "Память" печаталась в типографии МЭИ, то уже не удивился этому).

Неутомимые и "благородные" борцы за справедливость, сохраняя вполне серьезное и даже патетически возмущенное выражение лица, были готовы корчить какого угодно дурака,

лишь бы суметь положить тень на столь не понравившийся им плетень. И при этом еще заручиться поддержкой таких же не слишком разборчивых людей из высших сфер. Впрочем, все это было лишь легкой разминкой. Как говорят, лиха беда начало. События продолжали развиваться , я бы даже сказал, заметно набирали скорость.

Самым странным (а может быть, как раз наоборот - закономерным?) было то, что в ЦК того времени эта грязная бумажка не полетела сразу же в корзину для мусора, а ее заботливо зарегистрировали и переслали по подведомственности - в Госкомспорт СССР для рассмотрения и принятия соответствующих мер.

ПО повелеиню свыше в Федерации борьбы самбо СССР было назначено обсуждение моей книжки. Разумеется, имея в виду полный ее разгром с последующим всеобщим и решительным осуждением. Сценарий такой процедуры был отработан уже давным-давно: "обсуждены" таким образом были многие журналы и книги, не чета моей. Однако еще на дальних подступах к обсуждению обнаружились некие непредвиденные факты.

Моя книжка была рассчитана только на молодого читателя: рассказы о боевых системах всего мира, а главным образом об истории самбо, перемежались в ней материалами для самостоятельного изучения этой борьбы. И меня очень удивило, что книжка совершенно неожиданно всерьез заинтересовала многих ветеранов самбо - тех, кто внес немалый вклад в дело его распространения, развития и совершенствования. Разумеется, их интересовали не заочные уроки самбо: любой из них мог поучить меня самого и очень, очень многому. Привлекал внимание ветеранов история их вида спорта, впервые правдиво и более или менее полно описанная.

Отлично зная, как в действительности рождалось самбо, ветераны решили прийти на обсуждение и сказать там свое веское слово, вне зависимости от того, как это будет встречено в верхах. Особую активность проявил двукратный чемпион Советского Союза, один из самых первых учеников Харлампиева - Андрей Андреевич Будзинский. Сказали там свое убедительное слово и другие ветераны.

Между тем члены президиума федерации были специально поставлены в известность, что "сам товарищ Гончаров", начальник спортсектора отдела пропаганды ЦК, на каком-то совещании "осудил" мое злосчастное произведение и сказал, что выпуск его - ошибка издательства. (Скорее всего - по испытанному принципу: "Я сам не читал, но решительно осуждаю!"). Так что собравшимся очень даже было о чем задуматься. А они взяли да и не приняли во внимание обязательного "вышестоящего" мнения, не побоялись не согласиться с "самим". А ведь мы тогда еще не начали дышать воздухом перестройки и гласности, до этого было еще далеко. Каждый рисковал по меньшей мере неприятностью, а то и самой должностью. И тем не менее все не только не "осудили", не прзнали книжку порочной, но единогласно дали ей, быть может, и не вполне заслуженную, высокую оценку. И пришлось в конце концов ретивым руководящим товарищам проглотить эту горькую пилюлю и остаться, как говорят картежные гадалки, всего лишь при пустых хлопотах и пиковом интересе. Конечно же я был благодарен членам президиума федерации, решительно выступившим на мою защиту. Но, пожалуй, еще в большей степени я испытывал гордость за всех этих настоящих людей, прославленных атлетов, которые когда-то в прошлом вели честную и бескомпромиссную борьбу на самбистском ковре и которые и в своей жизни не склонили головы перед столь выгодным криводушием конъюнктуры.

Этот критический эпизод закончился для меня вполне благополучно, но последствия, вызванные книгой, расходились как круги по воде, и не переставали меня удивлять. Неутомимый Будзинский на волне интереса к

биографии самбо, пробудившегося в душах ветеранов, очень скоро создал Совет ветеранов этого вида борьбы. И очень важным было то, что интерес ветеранов имел отнюдь не пассивно-теоретический характер. Вовсе нет! Они поднимали свои личные архивы, обращались в государственные хранилища старых документов, отыскивали своих бывших коллег по спорту, которых осталось, к сожалению, совсем немного, списывались с музейными работниками даже таких отдаленных местностей, как отсров Сахалин. И совсем не удивительно, что им удалось обнаружить целый пласт новых и очень ценных документов. Материалы, поднятые ими "на гора" оказались на редкость интересными. Они позволили мне не только существенно уточнить и расширить уже имевшиеся у меня сведения, но и открыть совершенно неизвестные ранее факты. Все это дало возможность заново и со значительно большей точностью проанализировать родословную самбо.